

Зайнега
Два дыхания.
РУХ.

ЗайнеГА ЗайнеГА
Два дыхания. Рух

«Автор»

2026

ЗайнеГА З.

Два дыхания. Рух / З. ЗайнеГА — «Автор», 2026

Уральские горы помнят всё. Каждую клятву. Каждую ложь. Каждую каплю крови, пролитую на снег. Ильдан вырос в тени этой памяти. Он — наследник рода Юрматы. Будущий воин. Друг, которому доверяют спину. Но прошлое не отпускает. Оно дышит в затылок голосом сводной сестры: «Береги свой секрет». Мирас не знает, что связывает Ильдана с древними тайнами. Он просто идёт за другом в бой, не задавая лишних вопросов. Когда на поляну посвящения выходит Амир, когда старые распри вспыхивают как сухая трава, когда пепел летит в лицо — каждый выбирает: сказать правду или умереть с ней. «Два дыхания. Рух» — роман о горах, хранящих секреты, и о том, что самое опасное — не враг с мечом, а правда, которая рвется наружу. Это история о времени, когда горы были выше, а цена слова — выше гор.

© ЗайнеГА З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	21

ЗайнеГА ЗайнеГА

Два дыхания. Рух

Глава 1

Глава 1. Бой на склоне

Луна в ту ночь вошла красная — как набухший волчий глаз. В горах говорят: к крови. Ильдан стоял на краю скалы, откуда йяйляу выглядел как россыпь крошечных костров, затерянных между склонами. Внизу шумела Агидель — сонная, тяжёлая после дождей. Вода пахла тиной, холодом и чем-то древним, что старше любого рода. Он не любил это чувство. Когда горы становятся слишком большими, а ты — слишком маленьким. Когда кажется, что ветер вот-вот сорвёт с тебя кожу и развеет по сосновым склонам, как прошлогоднюю хвою.

— Опять ты полез на этот гребень, — раздалось сзади. Мирас карабкался вверх, цепляясь за корни чахлых кустов. Он был слишком тяжёлым для таких подъёмов — грузный, широкий в плечах, с руками, которые привыкли держать не только меч, но и кузнечный молот.

— Тут нормальной тропы нельзя было проложить? — выдохнул он, наконец достигнув вершины.

— Ты себя к нормальным причисляешь?

— Я себя причисляю к голодным, — Мирас плюхнулся на камень, вытащил из-за пазухи вяленое мясо, — Старуха Гульназ обиделась. Сказала, что ты костей достоин, а не мяса.

— Я не голоден.

— Ты никогда не голоден. Это подозрительно.

Ильдан не ответил. Он смотрел туда, где за изгибом реки чернели остовы юрт рода Бурзян. Сегодня они прикочевали поздно — пыльные, молчаливые, без песен.

— Амир приехал, — сказал Ильдан.

— Вижу, — Мирас жевал, не глядя. — Хорошо костры развели. Чтобы все видели, какие они богатые.

Ильдан помолчал, потом спросил: — Ты знаешь, почему нас собрали именно здесь? Мирас перестал жевать. Вопрос был не праздный. Каждое лето на йяйляу съезжались юноши из разных родов — учиться, тренироваться, показывать себя. Но в этот раз всё было иначе. Старшие говорили тихо и отворачивались, когда замечали молодых.

— Говорят, — Мирас понизил голос, — что через три дня старейшины семи родов устроят байге. Посвящение в батыры. Не всех возьмут.

— Семи родов? — Бурзян, Усерган, Кыпсак, Тангаур, Тамьян, Катай, Юрматы, — Мирас загнул палец за палец, — Старый Буранбай рассказывал. Говорят, в древности они враждовали, пока не собрались у горы Кыркты и не заключили мир. В честь того сложили песню «Урал», которую поют стоя. С тех пор раз в несколько лет лучшие из семи родов сходятся, чтобы показать силу.

— И мы?

— И мы, — Мирас кивнул, — Ты — от юрматы. Я... — он запнулся на мгновение, — я ни от кого. Но Буранбай сказал, что если пройду отбор, меня могут взять в воины при старейшинах. Без рода. Просто за силу.

В его голосе не было горечи. Только спокойная, давняя привычка к тому, что он — лишний. Сын кузнеца. Мальчик без предков. Ильдан хотел что-то сказать, но передумал. Словами такую боль не вытащить. Он просто положил руку на плечо друга — коротко, крепко. И отвер-

нулся к реке. А внизу, у костра рода Юрматы, сидела Сулпан. Дочь Главы рода Юрматы и сестра – близнец Ильдан. Она делала вид, что перебирает травы, но на самом деле смотрела туда, где на скале темнели две фигуры. Там, где сейчас Ильдан — и он. Мирас. Она знала его одиннадцать лет. С того самого дня, когда мать привела в их юрту незнакомого мальчика с синяками на руках и сказала: «Это Мирас. Будут жить с семьей рядом с нами. Учиться. Трогать не трогайте — он сам дикий». Сулпан тогда было семь. Она спряталась за спину матери, а Мирас прошёл мимо, даже не взглянув на неё. И почему-то в тот самый миг она поняла: этот мальчик будет для неё особенным. Не так, как все. Не как друг. Как-то иначе. Шли годы. Он рос, становился шире в плечах, голос ломался и оседал низко, как у взрослых мужчин. Он не замечал её взглядов. Он видел в ней только «сестру Ильдана» — ту, которую надо защищать, но не ту, которую хочется коснуться. Сулпан не жаловалась. Не плакала. Она просто смотрела на него каждый вечер и каждый вечер понимала: он не видит.

— Сулпан, — позвала её служанка. — Ты чего застыла? Трава уже высохнет.

— Иду, — тихо ответила она и отвела взгляд от холма. Но сердце всё равно осталось там, на ветру, рядом с ним.

Утром, ещё до первых петухов, Буранбай разбудил Ильдана и Мираса ударом плети по войлоку.

— Подъём, джигиты!, - он помолчал, и добавил с ухмылкой, - будущие.. джигиты, если повезет конечно. Сегодня учимся дышать.

Мирас застонал и зарылся лицом в спальник. — Мы и так умеем дышать. Я вот прямо сейчас дышу. Видите?

— Ты не дышишь, ты воздух портишь, — старый воин безжалостно стянул с него одеяло. За юртой уже серело. Горы просыпались медленно: сначала запах росы, потом первые птицы, потом далёкое ржание коней. Буранбай привёл их на край утёса, откуда открывалась вся долина — зелёная, с сосновыми перелесками, с лентой реки внизу.

— Садитесь, — велел он. Они сели на траву, скрестив ноги. Буранбай сел напротив — старый, с лицом, похожим на кору векового карагача, с глазами, которые видели больше, чем кому-либо положено.

— Бой, — сказал он, — начинается не с удара. И не с захвата. Бой начинается здесь, — он ткнул себя в грудь, туда, где под кожей билось сердце, — Если внутри пустота — тебя убьют. Если внутри страх — ты убьёшь, но потом сам сойдёшь с ума. Нужно ровное дыхание. Такое, чтобы ты чувствовал каждую кость, каждую жилу, каждую каплю крови.

Мирас послушно закрыл глаза. Ильдан тоже — но не для того, чтобы учиться. Он уже знал это упражнение. Буранбай учил его дышать с детства, с тех самых пор, как заметил в мальчишке странную тишину.

— Ты, — сказал тогда Буранбай семилетнему Ильдану, — будешь не только мечом махать. Будешь лечить. Потому что воин, который не умеет лечить, — половина воина. И он учил. Травам — какие останавливают кровь, какие снимают жар, какие усыпляют боль. Учил вправлять вывихи, зашивать раны, находить пальцами горячие узлы под кожей, где затаилась хворь. Учил чувствовать чужое тело как своё.

— Река внутри тебя, — говорил Буранбай. — Она есть у каждого. Но чтобы лечить другого, нужно свою реку успокоить. Иначе обе перемешаются, и толку не будет. Ильдан учился. Молча, терпеливо, не задавая лишних вопросов. В свои восемнадцать он умел то, чему другие учились годами. И никто, кроме Буранбая, не знал об этом.

— Представьте, что внутри вас течёт река, — голос Буранбая звучал в утренней тишине, — Не Агидель, нет. Другая. Тоньше. Она идёт от темени до пят, и в каждом месте, где она

встречает кость или жилу, — там сила. Называйте это как хотите: рух, эйек— слово не важно. Важно почувствовать.

Мирас сопел — старался изо всех сил, открыл глаза и прошептал: — Я ничего не чувствую.

— Закрой рот и слушай тело, — буркнул Буранбай. — Оно говорит тише, чем твой желудок.

Мирас закрыл глаза снова. Ильдан скосил на него взгляд — и едва заметно улыбнулся. Друг был похож на медведя, который пытается стать бабочкой. Но он старался. Это важнее всего.

— Достаточно, — Буранбай хлопнул в ладоши через полчаса,— Ты, — он ткнул в Мираса, — будешь повторять каждое утро. Через месяц почувствуешь.

— А Ильдан? — спросил Мирас, поднимаясь.

— Ильдан уже умеет. Он давно мой ученик.

Мирас глянул на друга с уважением и лёгкой обидой: — Ты мог меня научить раньше.

— Ты бы не понял раньше, — ответил Ильдан. — Ты слишком много думаешь о еде.

— Еда — это важно!

— Всё важно, — Буранбай поднялся, хрустнув коленями, — А теперь на тренировку. Животом. Мечом. На земле. Пока солнце не поднимется.

Они пошли вниз, к стоянке. На полпути Мирас вдруг спросил: — Ильдан... а у тебя сестра сегодня будет смотреть?

— Сулпан? Наверное. Она всегда приходит на поединки.

— Я просто... — Мирас запнулся, почесал затылок, — Она вчера мне кисет подарила. Вышитый. С тамгой нашего, то есть вашего, рода. Я не понял, зачем.

Ильдан посмотрел на друга. Тот был абсолютно искренен — и абсолютно слеп.

— Затем, — медленно сказал Ильдан, — что девушки не дарят кисеты просто так.

— Ну, может, она просто умеет вышивать. И тренируется.

Ильдан вздохнул. Сказать Мирасу, что его сестра влюблена в этого здорового кузнеца, было нельзя — по многим причинам. Но и молчать было больно за Сулпан.

— Мирас, — сказал он осторожно. — Ты когда-нибудь смотрел на Сулпан не как на сестру друга?

Мирас задумался. Честно, с той тяжеловесной серьёзностью, с какой он относился ко всему непонятному.

— Нет, — ответил он наконец. — А должен?

— Не знаю, — Ильдан отвернулся. — Просто спросил.

Они пошли дальше. А в кустах у тропы к реке, замерла Сулпан, прижав кувшин к груди. Она слышала всё. И сердце её сжалось так, что стало трудно дышать. Горы вокруг казались огромными и равнодушными. А Мирас прошёл мимо в двух шагах и даже не заметил её. «А должен?», — повторила она про себя его слова. И пошла к реке. Спина прямая, лицо спокойное. Только руки чуть дрожали.

Они столкнулись с Зухрой ближе к полудню, когда Ильдан нёс воду из родника, а Сулпан шла рядом, перебирая в уме засушенные цветы. Зухра стояла у тропы, подперев плечом ствол старой берёзы. Ждала. Знала, что они пойдут этой дорогой.

— Родные мои, — сказала она, не двигаясь с места. Голос мягкий, почти ласковый,— какая встреча.

— Родные? — парировала Сулпан, не сбавляя шага. — У нас один отец, но разные матери. И это не делает нас сёстрами. Зухра улыбнулась. Улыбка не коснулась глаз.

— Как скажешь. Твоя мать предпочитает делать вид, что меня не существует. Ты в неё пошла.

Ильдан остановился. Поставил кувшин на землю: — Чего ты хочешь, Зухра?

— Ничего, — она пожала плечами. — Просто посмотреть. Как живут те, кому повезло родиться в большой юрте. С отцом. С именем, -её взгляд скользнул по Ильдану - медленно, изучающе, - с тайнами.

Сулпан напряглась. Ильдан — ни одним мускулом.

— У каждого есть тайны, — спокойно сказал он. — У тебя — тоже.

— О, мои тайны никого не интересуют, — Зухра отлепилась от дерева и сделала шаг вперёд. Она была почти такого же роста, как Ильдан. Такая же смуглая. Та же линия скул. Но глаза — другие. В них горело то, чего не было у близнецов: голод, — а вот твои... твои, братец, могут стоять жизни.

— Ты на что намекаешь? — голос Сулпан дрогнул. Она не знала, о чём говорит Зухра, но чувствовала — о чём-то страшном.

Зухра посмотрела на неё с лёгким презрением.

— Ты правда не знаешь? Или просто не хочешь знать?

— Зухра, — Ильдан шагнул вперёд, закрывая сестру собой, - если тебе есть что сказать — скажи. Прямо.

Зухра долго смотрела ему в глаза. Потом покачала головой.

— Нет. Не сейчас. Я пришла не угрожать, — она усмехнулась, - Я пришла сказать: береги свой секрет, братец. Потому что если он выйдет наружу... — она перевела взгляд на Сулпан, — вас убьют. Не сразу. Сначала вашего отца. Потом мать. Потом вас. В таком порядке.

Она развернулась и пошла прочь, тихо напевая что-то себе под нос. Сулпан стояла белая как полотно.

— Ильдан... о чём она?

— Ни о чём, — ответил он слишком быстро, -она просто злая. И хочет посеять страх. Не слушай её.

— Но она сказала про тайну...

— У неё нет тайн. Только ненависть. Пойдём.

Он взял кувшин и пошёл вперёд, не оглядываясь. Сулпан — за ним, сжимая в пальцах сухой цветок так, что он рассыпался в пыль. Она не знала, что за тайну носит её брат. Но впервые в жизни она поняла: эта тайна может их всех убить.

Поединок назначили на полдень, когда тени становятся короткими и земля прогревается так, что босиком не ступить. Площадка для боя находилась на поляне между двумя скальными выступами. Сверху, на плоских камнях, расселись старейшины семи родов — семь седых голов, семь лиц, которые видели столько, что, если сложить их память, выйдет вся история гор. Главный среди них — аксакал рода Кыпсак по имени Баязит, высокий, костлявый, с глазами, которые смотрели сквозь человека, в его душу. Вокруг, на склонах, собрались зрители: женщины в ярких платьях, дети, взобравшиеся на деревья, старики с палками.

Ильдан стоял у края поляны, скрестив руки на груди. Рядом, чуть позади, замерла Сулпан — бледная, сжав пальцы в замок.

— Он справится, — тихо сказал Ильдан, не оборачиваясь.

— Я знаю, — ответила Сулпан. Голос дрожал, даже когда она старалась сделать его твёрдым.

— Ты ему кiset подарила.

Это был не вопрос. Сулпан промолчала. Потом сказала едва слышно:

— Он не понял.

— Он ничего не понимает, — Ильдан вздохнул, -он думает, что девушки дарят кisetы, потому что тренируются в вышивке.

— Дурак, — прошептала Сулпан, но в голосе не было злости. Только боль.

На противоположной стороне поляны появился Амир. Он был выше, чем запомнилось Ильдан с прошлой их встречи. И шире. Чёрные волосы стянуты кожаным шнурком, лицо спокойное, почти скупающее. Но глаза — угли. Те самые, которые тлеют и ждут ветра. Амир был старшим сыном и главной надеждой Главы рода Бурзян — старого, хитрого, с репутацией человека, который никому не прощает обид.

Баязит поднял руку. Шум стих.

— Бой открытый. Оружие — мечи. Правила честные, — голос старейшины прозвучал негромко, но его услышали все, даже на дальних склонах, — до первой крови или до поражения. Запрещено бить в спину, по ногам ниже колена и в лицо открытой рукой. Всё остальное — позволено.

Мирас и Амир вышли в центр круга. Амир усмехнулся — коротко, одними уголками губ. — Сын кузнеца, — сказал он, не скрывая презрения. — Без рода. Без тамги. Без предков.

— Зато с мечом, — ответил Мирас спокойно. — А предки, говорят, помогают только тем, кто сам не ленится.

Амир хмыкнул. Первый удар нанёс он — резкий, рубящий, с полуоборота. Мирас принял удар на блок. Звон металла разнёсся по поляне и ударился в скалы эхом.

— Он сильнее, — прошептала Сулпан.

— Амир тяжелее и опытнее, — кивнул Ильдан, — Но Мирас быстрее, чем кажется. И он знает, за что дерётся.

Амир наседал. Удар, ещё удар, сбоку, сверху, обманный заход — всё по правилам, всё честно, но каждый удар был как удар кузнечным молотом. Мирас уходил в сторону, блокировал, отступал на шаг — и вдруг улыбнулся.

— Тяжело дышишь, сын Бурзяна, — сказал он, не повышая голоса. Амир рассёк ему бровь. Кровь потекла по лицу, смешиваясь с потом.

— Это тебе не кузница, — прошипел Амир, — здесь не перетерпишь.

— Не перетерплю, — согласился Мирас и вдруг шагнул вперёд, навстречу мечу. Амир не ожидал. Он сделал замах — и в этот момент Мирас ушёл вниз, проскользнул под рукой, ударил рукоятью меча в солнечное сплетение. Амир выдохнул — громко, страшно — и согнулся пополам.

— Сдавайся, — сказал Мирас, приставляя клинок к горлу противника.

Амир молчал. Потом медленно поднял голову. Глаза его были красными — не от слёз, от ярости.

— Никогда, — выдохнул он и вдруг, не глядя, метнул в Мираса горсть песка из-под ног. Мирас отшатнулся, зажмурился — и в тот же миг Амир вскочил, ударил рукоятью меча по его плечу. Сильно. Так, что Мирас упал на одно колено, и хруст — негромкий, но отчётливый — прокатился по поляне.

— АМИР! — закричал кто-то из старейшин. — ЗАПРЕЩЁННЫЙ ПРИЁМ!

— В настоящем бою враг не спросит разрешения, — спокойно ответил Амир, отряхивая руки. Он уже отошёл на два шага, меч опущен, лицо снова скупающее, — я победил.

Старейшины зашептались. Баязит поднял руку.

— В истинном бою враг может использовать любой приём для победы, — сказал он, — но это не истинный бой. Это посвящение. Амир — за нарушение правил отстраняется до следующего года. Мирас — допущен.

Амир пожал плечами. Развернулся и пошёл прочь. На полпути обернулся — не на Мираса, не на старейшин. На Сулпан.

— Передай своему брату, — громко сказал он, — что в следующий раз я не буду играть по правилам. Сулпан с удивлением посмотрела на Ильдана. Ильдан пожал плечами. Сулпан

посмотрела на Мираса, который поднимался с колена, держась за плечо. Лицо его было бледным, по вискам струился пот.

— Плечо, — выдохнул он, когда Ильдан подбежал, - вылетело.

— Не двигайся, — Ильдан опустил на колено, осторожно взял друга за руку, - Буранбай! — крикнул он через плечо, -Буранбай, иди сюда! Старый воин уже спешил к ним, расталкивая толпу.

— Положи его, — скомандовал он, подходя, - не дёргайся, парень.

Мирас лёг на траву, закусив губу. Ильдан держал его за здоровую руку, чувствуя, как друг сжимает пальцы до хруста. Буранбай ошупал плечо — быстро, уверенно, двигая пальцами по суставам, как по струнам.

— Вывих, — сказал он, -сейчас вправлю. Терпи.

Мирас закрыл глаза. Рывок — хруст громче первого — и Мирас заорал, но негромко, сквозь зубы. Потом выдохнул и открыл глаза.

— Всё, — Буранбай похлопал его по здоровому плечу, -не двигать три дня. Завтра придёшь, я траву дам. Ильдан, ты знаешь какую.

Ильдан кивнул.

— Ты как? — спросил Ильдан у Мираса.

— Жить буду, — Мирас криво усмехнулся, вытирая кровь с лица, - руку только... руку жалко.

— Руку вправили. А голову тебе некуда вправлять.

— Тактический приём, — буркнул Мирас, но без прежней бодрости.

Сулпан стояла в стороне, плотно сжав губы. Она не подошла к Мирасу — знала, что он не поймёт, зачем она подошла. Просто стояла и смотрела, как Ильдан помогает другу встать, как Буранбай даёт последние наставления, как кровь стекает по его лицу. И внутри у неё всё кипело. Она посмотрела туда, где скрылся Амир. Потом — туда, где среди зрителей мелькнула фигура Зухры. Та стояла у дальней скалы, скрестив руки на груди, и смотрела. Не на Мираса. На Ильдана. Сулпан почувствовала холод, не связанный с горным ветром. «Что ты знаешь?» — подумала она. — «Что ты видишь в нём такого, чего не вижу я?» Но Зухра уже ушла, оставив после себя только запах полыни и горечи.

Вечером Ильдан вправил Мирасу плечо второй раз — уже по-настоящему, чисто, как учил Буранбай. Настоял отвар из корней, замотал руку тугой повязкой из сыромятной кожи.

— Спасибо, — сказал Мирас, когда они сели у костра.

— Не за что.

—Нет, правда. Ты всегда меня вытаскиваешь. С детства.

Ильдан промолчал.

Мирас помолчал, потом спросил: — А что Зухра говорила сегодня? При вас с Сулпан?

— Ничего важного.

— Ты врёшь. Я тебя знаю.

Ильдан бросил в костёр ветку. Та зашипела, загорелась.

— Она сказала, что у меня есть тайна, которая может всех погубить.

— И она есть?

Ильдан долго молчал. В горах завывал ветер, и костёр метался, отбрасывая тени на склоны.

— Есть, — сказал он наконец. — Но я не могу тебе её рассказать. Не сейчас.

Мирас кивнул. Не обиделся. Не спросил «почему».

Просто сказал:

— Тогда расскажешь, когда сможешь. Я подожду.

Ильдан посмотрел на друга. На его большое, исцарапанное, доброе лицо. На перевязанную руку. На глаза, которые видели в нём просто друга — не тайну, не опасность, не ложь.

«Если ты узнаешь правду, — подумал Ильдан, — ты меня возненавидишь? Или спасёшь?» Вслух он ничего не сказал.

Луна взошла. Уже не красная — белая, холодная, как лёд на вершинах. В горах говорят: к долгой дороге. Они ещё не знали, что дорога будет долгой и кровавой. И что правду, которую Ильдан носил в груди восемнадцать лет, придётся рассказать раньше, чем он думал. Но это будет завтра. А пока они сидели у костра, и над ними горели звёзды — одна за одной, как свет в окнах далёкого дома.

Глава 2

Глава 2. След на белом

1. Утро.

Утро только начиналось. Горы дышали — медленно, тяжело, как огромный зверь, который просыпается после долгой зимы. Туман сползал с вершин, обнажая мокрые сосновые склоны, ещё хранящие холод ночи. Камни блестели от недавнего дождя. Воздух пах мятой, прелой хвоей и водой — той самой водой, что шумела внизу, в долине.

Агидель текла серебряной лентой, рассекая зелёное море лесов. Вода была быстрой, своенравной, с космами тумана над перекатами. Агидель, Белая река. Легенда говорила, что это след девушки, которая превратилась в бурную реку, чтобы сохранить свою любовь.

Ильдан сидел у входа в юрту и смотрел на реку. Ему казалось, что Агидель помнит всё - и тех, кто пришёл сюда первым, и тех, кто ушёл навсегда. И следы, которые они оставили на её берегах. Он не спал всю ночь. Слова Зухры застряли в голове, как заноза: «Вас всех уничтожат». Они жгли изнутри, не давали закрыть глаза. Он смотрел на горы, но не видел их. Перед глазами стояло её лицо — бледное, с горящими глазами, в которых не было ни страха, ни сомнения. Только холодная решимость. Ильдан покачал головой, отгоняя мысли, резко встал и зашел в юрту.

Мирас спал на животе, разметавшись. Перевязанное плечо торчало из-под одеяла, рука лежала неловко, и даже во сне лицо было напряжённым — брови сдвинуты, губы сжаты. Ильдан толкнул его в здоровое плечо.

- Вставай. Буранбай ждёт.

- Дай поспать, зачем пришел - простонал Мирас, не открывая глаз. - У меня рука отваливается.

- Перестань ныть как девчонка, тебе вчера вправили плечо, ничего не отваливается.

- Душа отваливается.

Ильдан усмехнулся краешком губ — той усмешкой, которая у него означала всё: и насмешку, и тепло, и усталость. Не стал спорить и вышел в холодную утреннюю мглу.

Буранбай уже ждал на плоском камне. Старый воин сидел неподвижно, скрестив ноги, лицом к востоку. Его глубокие морщины в утреннем свете казались трещинами на древней скале. Глаза закрыты. Дыхание ровное, почти незаметное.

- Горы дышат, - сказал он, не открывая глаз. - И вы дышите с ними. Не быстрее, не медленнее. Когда почувствуете, что ваша грудь поднимается в такт склонам - тогда поймёте, что такое настоящий Рух.

Ильдан опустил голову напротив. Закрыл глаза. Сделал вдох — медленный, глубокий, до самого дна лёгких. Выдох — долгий, с лёгким свистом. И снова вдох. В такт склонам, которые темнели и светлели под лучами восходящего солнца.

Мирас приплюснулся через десять минут. Заспанный, злой, с перевязанной рукой. Он плюхнулся на траву с кряхтением, как старый дед, и закрыл глаза.

- Дыши, - велел Буранбай.

- Я дышу, - буркнул Мирас.

- Дыши по-настоящему. Сердцем дыши. Не торопись. Горы не торопятся.

Мирас замер. Ильдан скосил на него взгляд. Друг был похож на медведя, который пытается стать бабочкой - неуклюжий, смешной, но старательный.

— Не думай о плече, — добавил Буранбай. — Думай о воздухе. Как он входит. Как выходит. Ты сам воздух.

Мирас притих. В голове крутилась только одна мысль: «Буранбай иногда такую несёт чушь. Видите ли, я - воздух. Как же...» - он краем глаза посмотрел на Ильдана. - «...его надо спасти от этого полоумного старика».

Ильдан закрыл глаза и снова сосредоточился на дыхании. Горы дышали в такт его сердцу. Тепло разливалось по груди, спускалось к животу, поднималось к плечам. Он чувствовал каждый позвонок, каждое ребро.

Туман медленно поднимался, открывая дальние вершины. Первые лучи солнца коснулись сосен, и капли росы на иголках засверкали, как осколки стекла.

2. Холм у берёзы.

Арслан стоял на коленях у маленького холма. Берёза стояла белая, как кость. Она была единственным светлым пятном среди тёмных сосен. Корни её сплелись с корнями соседних деревьев, будто род, который держится вместе, даже когда кто-то уходит.

Здесь, под старой берёзой, вот уже много лет спал его первый сын. Тот, кого он успел поддержать на руках всего два года. Мальчик с чёрными, как у него, волосами и большими карими глазами. Арслан помнил его смех - звонкий, как горный ручей. Помнил, как сын хлопал его по щеке маленькой рукой.

Арслан провёл рукой по земле. Трава была холодной, жёсткой. И вдруг он подумал:

«В старину говорили: там, где белая луна коснулась земли, остаётся след. Не тот, что видит глаз, а тот, что помнят горы. Мы все идём по таким следам. И не знаем, чьи они - предков или богов».

Он не знал, кто оставил этот след - судьба или его собственная гордость. Но след был. Белый. Холодный. И он вёл к этому холму.

- Ты опять здесь, - голос жены прозвучал тихо, почти шёпотом.

Тылсым подошла неслышно, на ней было тёмное платье, слишком мрачное, и старый платок, повязанный низко на лоб. Она положила ладонь ему на плечо.

Он не отстранился, но замер, как камень, который вода точит, но не может сдвинуть. Его пальцы всё ещё касались холодной земли.

- Когда я перестану приходить сюда, мое тело станет прахом, а моя душа уйдет к сыну.

Нависло тяжелое молчание, ветер шевелил траву на холме, поднимал пыльцу с белых цветов. Один лепесток оторвался и полетел вниз, к реке — белый след на белом ветру.

Они шли обратно молча. Арслан - впереди, Тылсым - чуть позади. Между ними - расстояние в несколько шагов, которое казалось длиннее всей жизни. Трава под ногами была мокрой, хлюпала. Где-то внизу, в долине, заржал конь - тоскливо, протяжно.

- Я тебя не виню и не винил никогда, но взял вторую жену, потому что ты не могла родить мне сына, - сказал Арслан, не оборачиваясь. - И родилась Зухра. Я разочаровался.

- У нас есть Ильдан. Я родила тебе близнецов. Ради них ты можешь отпустить душу Беркута?

Арслан остановился. Повернулся к ней. Солнце ударило в глаза, и Тылсым не видела его лица — только тень, длинную и острую.

- Есть или нет, - сказал он неоднозначно.

И пошёл дальше, не оглядываясь. Тылсым с тяжелым сердцем осталась на тропе. Ветер трепал её волосы, и она не поправляла их.

3. Разговор у тропы.

Тылсым шла медленно, низко опустив голову. На тропе её ждал Ильдан — прислонившись к сосне, руки скрещены, на плече — белый кречет.

- Ты подслушивал, — сказала она.

- Мама, почему он здесь, а не на родовой земле?

Она вздохнула. Вздох вышел тяжёлым, как у старой женщины, хотя ей не было ещё пятидесяти.

- Ты знаешь. Ради перемирия монголы требовали самого старшего сына рода. Старейшины решили отдать Беркута. Отец был в походе, он бы не отдал его. Буранбай должен был отвезти его к чужакам. Но по дороге, здесь на них напал другой отряд. Тогда погибла вся семья Буранбая, которая оставалась и на зимнюю стоянку в этом месте.

- Я знаю это, но я спрашиваю, почему он здесь похоронен. Ты видела его? И вы поверили, что это Беркут?

- А что нам оставалось? - она с тоской посмотрела ему в глаза. — У нас появились вы. Мы не могли горевать вечно.

Ильдан долго молчал. Кречет на его плече переступил лапами, зашуршал перьями.

- Но отец горюет до сих пор. Если бы Беркут выжил, я не был бы наследником. У меня была бы другая судьба, свободная.

Она подошла ближе, коснулась его руки. Ильдан был как камень. Как его отец.

- Ты наследник этого рода, никогда об этом не забывай, - жестко произнесла Тылсым, - судьбу не мы выбираем, твоя судьба вести за собой наш род. Твой Мирас на тебя плохо влияет своим свободолобием, помни кто он и кто ты..

- Кто я? Мама, я знаю точно, кто я, это ты забываешь, - вдруг резко осадил он мать, - вы навязали мне эту жизнь, долг, ответственность. Да, я ...

От бессилия он ударил по шершавой коре сосны, чувствуя, как смола липнет к костяшкам пальцев. Кречет от неожиданности взлетел, сделал круг над поляной и сел на нижнюю ветку, откуда лучше было видно.

- Он живёт ради тебя, - сказала Тылсым, глядя на птицу. - Как и я. Не позволяй минутным слабостям превратить свою и нашу жизнь в пепел.

- Не нужно ради меня жить, не нужно! - гнев Ильдана стих так же быстро, как вспыхнул.

- Если бы Беркут оказался жив... я мог бы выбрать другую жизнь.

Она убрала руку.

- Не ищи того, чего нет. Не надейся на то, что убьёт тебя снова.

И ушла, не оглядываясь.

Ильдан остался стоять у сосны. Кречет сидел на ветке и смотрел на хозяина сверху вниз.

- А если? - прошептал Ильдан в пустоту.

4. Шонкар.

Ильдан вернулся в лагерь, когда солнце уже поднялось выше гор. Кречет прилетел через час - белая тень бесшумно опустилась на перекладину у входа в юрту.

Ильдан сидел на кошме, чистил лук. Пальцы двигались плавно, привычно — вверх, вниз, по тетиве, по древку. Он делал это не глядя, на автомате.

Кречет прыгнул с перекладины, перелетел на плечо, клюнул за ухо — коротко, по-хозяйски.

— Шонкар, ты видел? — спросил Ильдан птицу.

Кречет склонил голову, блеснул жёлтым глазом.

— Знаешь, — тихо сказал Ильдан, глядя птицу по спине, — только ты меня не судишь. Только ты видишь меня настоящего.

Кречет молчал. Только ветер шевелил перья на его груди.

— И Мирас, — добавил Ильдан ещё тише. — Но ему я не могу сказать всего.

Шонкар расправил крылья и взлетел на перекладину, оставив хозяина одного. Белое перо упало на землю. Ильдан поднял его, спрятал за пазуху.

5. Ты- это я.

К полудню Ильдан и Сулпан встретились у края обрыва. Она шла с корзиной трав, он сидел на своем обычном месте, куда приходил, чтобы побыть в тишине.

Сулпан присела рядом. Села так близко, что их плечи почти касались.

- Отец сегодня смотрел на меня так, будто ищет в моём лице твои черты, - сказала она, перебирая пучки чабреца.

- Он ищет наследника, - ответил Ильдан, не глядя. - А находит только двух близнецов.

- Как можно не любить своих живых детей, - с девчачьей наивностью произнесла Сулпан, - любить только того, кого не стало. Почему он не может простить маму?

- Он *себя* не может простить.

Повисла тишина. Внизу шумела река. Солнце стояло высоко, но в горах было свежо. Тень от сосны падала на них обоих, чертила полосы на их лицах — одинаковых, как два отражения. Два следа на белом листе судьбы.

- А ты перестань открыто бегать за Мирасом, с ним нужна другая тактика, - произнес Ильдан важно.

- Много ты знаешь о любви, - насупилась вдруг Сулпан, - я слышал его разговор с Буранбаем, у Мираса точно есть в сердце кто-то. И кто это если не я?

И потом, ты родился всего на несколько минут раньше меня. Это не делает тебя главным. Поэтому ты перестань мне указывать.

- Попробуй сказать это отцу.

- Скажу. Когда-нибудь.

Она помолчала, потом добавила, усмехнувшись:

- Помнишь, как я ходила на охоту вместо тебя?

- Когда ты нацепила мою одежду, взяла мой лук и ускакала с отцом, пока я спал.

- Ты проспал, - фыркнула Сулпан. - И пока ты видел свой сладкий сон, я добыла кабана. Прямо в глаз. С одного выстрела.

- А потом плакала, когда отец похвалил «сына».

- Спасибо, что не выдал меня.

- А как же, ответная благодарность за хорошую оценку на экзамене по арабской вязи.

- Ты тогда сказал, что у тебя рука болит. А я сидела и выводила буквы почерком насталик, как нас учили. Учитель похвалил «сына Главы рода» за каллиграфию, — усмехнулась Сулпан.

Солнце подсвечивало её профиль, и Ильдан вдруг подумал: как же они похожи. Как же легко было поменяться местами. И как страшно.

Они замолчали. Река шумела внизу. Чайка пролетела над водой, низко, почти касаясь крыльями поверхности. В груди у Ильдана зацвела тишина.

6. Встреча на тропе.

На узкой тропе, что вела от стрельбища к реке, они столкнулись с Амиром. Тот шёл в сопровождении двух бурзянских воинов - высокий, плечистый, с чёрной косой, заплетённой по воинскому обычаю. Чуть позади маячил Айдан — моложе, сухощавее, с любопытными глазами.

Амир остановился. Его тёмные глаза без блеска скользнули по лицу Ильдана, задержались на луке за его спиной.

- Ильдан, - сказал он, - слышал, ты вчера отличился на стрельбище. Метко.

- Спасибо, - ответил Ильдан холодно, не уступая дорогу.

- Не благодари. Это я сказал как воин воину. - Амир усмехнулся уголком рта. - А теперь уступи дорогу. Ты на земле Бурзяна.

- Земля Бурзяна, - медленно сказал Ильдан, - начинается за перевалом. А здесь - стоянка семи родов. Ничья земля - и общая.

Амир помолчал, глядя на него сверху вниз. Ветер шевелил его чёрную косу. Потом он кивнул.

- Ты прав. Ничья. - Он сделал шаг в сторону. - Проходи.

Мирас, шедший за Ильданом, не поверил своим глазам. Амир посторонился. Добровольно.

- Ты удивил меня, Стрекоза, - бросил Амир вслед.

- Я не удивляю, - ответил Ильдан, не оборачиваясь. - Я делаю то, что должен.

Айдан, проходя мимо, чуть склонил голову.

- Хороший выстрел был, Ильдан. Я видел.

- Спасибо, - ответил Ильдан уже мягче. - Твой тоже неплох.

Они разошлись. Мирас догнал Ильдана, толкнул плечом.

- Он посторонился. Ты видел?

- Видел.

- Он тебя уважает. Но до сих пор зовет стрекозой, еще с того случая.

- Или боится. Какая разница. А стрекоза красивая, - подмигнул он Мирасу, который закатил глаза от величия своего друга.

Ильдан и Мирас спустились к реке. Мирас хотел напоить коня - белый как снег аргмак Буран нетерпеливо бил копытом, мотал головой. А Ильдан - просто побыть у воды, подальше от людских глаз. Агидель здесь была широкой. Вода неглубокая у берега, камни на дне - гладкие, отполированные веками, к середине - вода уходила вглубь и опасно бурлила. Буран фыркнул, наклонил голову к воде и начал пить.

- Смотри, - сказал Мирас, глядя в спокойную заводь. - Видишь своё лицо?

Ильдан наклонился. Вода была прозрачной. Он смотрел на свое отражение - бледное, с острыми скулами и потемневшими глазами. Зелёный ободок сегодня был почти незаметен.

- Вижу, - ответил он.

- А я своё не вижу. Вода не хочет меня принимать.

- Потому что ты шумишь. Вода любит тишину.

Мирас замолчал. Ильдан смотрел в воду. Ему казалось, что река знает о нём больше, чем он сам. Что она видела его тайну и молчит. Что она, как и он, несёт в себе то, что нельзя высказать вслух.

- Буранбай говорил, - тихо сказал Ильдан, - что вода может забирать боль. Нужно только попросить.

- И как просить?

- Смотреть. И думать о том, от чего хочешь избавиться. Вода унесёт.

Они долго сидели на берегу. Буран спокойно пощипывал траву. Вода текла мимо - холодная, равнодушная. Мирас думал о своей безродности, об отце, которого не помнил, о матери, которую видел раз в год. Ильдан - о том, что не может сказать: о сестре, которую любит, о матери, которую ненавидел и жалел одновременно, об отце, от которого хочется уйти, и о долге, который не выбирал.

Вода уносила мысли, как ветер уносит семена.

- Не работает, - сказал Мирас. - Боль никуда не ушла.

- Значит, ты не до конца верил, - ответил Ильдан, поднимаясь.

- А ты веришь?

Ильдан посмотрел на воду. Ему показалось, что зелёный ободок его глаз отразился в реке - ярче, чем обычно. Как будто вода ответила.

- Иногда, - сказал он. - Когда очень надо.

Мирас подошёл к своему коню, провёл рукой по белоснежной гриве. Буран ткнулся носом в ладонь, фыркнул - тепло, доверчиво.

- А у нас в роду... у кузнецов... есть легенда о белом коне, - сказал Мирас, не оборачиваясь. - Акбузат. Говорят, он приходит, когда надежда уже уходит. И оставляет след - белый, как луна на снегу. Его не каждый видит. Только тот, кто ищет.

Ильдан подошёл ближе.

- Ты ищешь?

- Не знаю, - Мирас усмехнулся. - Может быть. Иногда мне кажется, что я ищу след. Только не знаю - чей. Свой или чужой. Белый или...

Он не договорил. Но Ильдан понял.

... или кровавый.

7. Рыжий соперник

После реки они направились к стрельбищу. Ильдан хотел проверить новый лук - Мирас только закончил его подгонять.

На поляне уже кто-то был. Девушка. Невысокая, с копной рыжих, перетянутых лентой волос, с веснушками на носу. Она стояла с луком, и стрела за стрелой уходила в центр мишени-ровно, без единой ошибки. Солнце бликовало на медных прядях её волос, выбившихся из-под шапки.

- Кто это? - спросил Мирас.

- Узнаем, - Ильдан остановился. Меткая.

Девушка опустила лук, повернулась. В её зелёных глазах плясали смешинки. Она оглядела их - Ильдана с ног до головы, потом Мираса - и усмехнулась.

- Подсматриваете? - спросила она. - Я не против. Только платить за урок придётся.

- Чем? - Мирас широко улыбнулся.

- Правдой. Как зовут того, кто умеет стрелять лучше меня?

Она кивнула на лук в руках Ильдана.

- Ильдан, - ответил тот, не отводя взгляда. - А ты?

- Инсан. Из рода Кыпсак.

- Род Кыпсак славится лучниками, - заметил Ильдан.

- А Юрматы - наследниками, которые крадут чужие стрельбища, - парировала она.

Мирас фыркнул. Ильдан усмехнулся, значит она знает кто он. Встал рядом с ней, натянул тетиву - и выпустил стрелу. Рядом с её - впритык, на волосок от древка.

Инсан присвистнула.

- Ты серьёзно?

- Покажи, - бросил Ильдан, отходя в сторону.

Она снова взяла лук. Стрела легла в центр. Ильдан повторил - снова рядом, снова впритык.

Мирас стоял в стороне, скрестив руки на груди. Он смотрел на Ильдана и на эту рыжую девушку, и в груди зашевелилось что-то странное. Ему показалось, что чья-то тень легла между ними - невидимая, но осязаемая.

- Так, - сказала Инсан, опуская лук. - Я сдаюсь. Ты стреляешь лучше. Но только потому, что тренируешься каждый день.

- А ты? - спросил Ильдан.

- А я сбежала от жениха, - она усмехнулась. - У него были другие планы на мою жизнь. А у меня - свои. Лук, между прочим, входит в мои планы.

- Мудрый план, - заметил Мирас, подходя ближе.

- Ты его друг? - Инсан кивнула на Ильдана.

- Его тень, - буркнул Мирас.

-Тень? - она усмехнулась. -Ты большой для тени.

- Я отражаю его величие.

Ильдан закатил глаза. Инсан рассмеялась - звонко, открыто.

- Мне нравится твоя тень, - сказала она Ильдану. - Он смешной.

- Он глупый, - поправил Ильдан, но в голосе не было злости.

- Я и то, и другое, - Мирас поклонился. - Мирас, сын кузнеца. Без рода. К вашим услугам.

- Инсан, дочь старейшины, - она приложила руку к груди. - Сбежавшая невеста.

- И долго планируете бежать? - спросил Ильдан.

- Пока не найду того, ради кого стоит остановиться.

Инсан перевела взгляд на Ильдана.

- Или то, ради чего.

Ильдан взял свою стрелу из мишени, повертел в пальцах.

- Приходи завтра, посоревнуемся ещё.

- Приду,- Инсан улыбнулась, забрала свои стрелы и ушла, напевая про себя что то веселое.

- Она интересная, - заметил Мирас, глядя ей вслед.

Ильдан усмехнулся, но ничего не сказал. Они пошли к юртам.

8. Совет старейшин

К вечеру в лагере начали собираться старейшины. Совет семи родов должен был решить, кто достоин посвящения в батыры.

Ильдан и Мирас сидели неподалеку от главной юрты, наблюдая, как один за другим туда входили седые аксакалы. Говорили негромко, степенно, без лишних жестов. Старый Баязит из Кыпсака — высокий, костлявый, с посохом, на который опирался больше для важности, чем по необходимости. Тучный Мухамет из Тамьяна, вечно потеющий, даже в тени. Худой, как жердь, Давлет из Усергана.

Вместе с ними прошёл незнакомец. Монгол. Невысокий, плотный, с гладко выбритым лицом — ни усов, ни бороды, что среди башкирских старейшин выглядело странно, почти неприлично. На нём был шелковый халат тёмно-синего цвета, расшитый серебряной нитью. В ухе - серьга с бирюзой. Шёл он плавно, бесшумно, как кошка.

- Кто это? - спросил Мирас у Буранбая, который как раз направлялся к юрте.

- Дарман. Монгольский советник. Именно он привёл к перемирию восемнадцать лет назад. Следит. Чтобы мир не нарушили.

Ильдан прищурился. Дарман ни на кого не смотрел, но ему показалось, что тот заметил всех. Каждого. Даже тех, кто сидел в тени.

- Говорят, он женат на бурзянке, - добавил Буранбай. - Родственница самого Байбулата. Так укрепил союз. Умный ход - свою кровь с нашей смешал.

- И что, его здесь уважают?- спросил Мирас.

- Он принёс мир, думают, - Буранбай помолчал, но направляясь к юрте старейшин, добавил, - А я думаю, мир, за который заплатили детьми, не может быть настоящим.

Монгол скрылся за пологом юрты. Ильдан проводил его взглядом. Что-то в этом человеке было не так. Что-то, от чего холодело внутри. Может быть, глаза — пустые, без блеска. А может, улыбка, которая не доходила до них.

Буранбай вернулся от старейшин хмурый, сел на камень и вздохнул.

- Из Юрматы вы вдвое. Тебя Мирас вернули, потому что ты технически от старейшин.

- Из Бурзяна вместо Амира отец выставил младшего, Айдана.

- Айдан? - Ильдан поднял бровь. - Он ещё молод.

- Но злой. Хочет доказать, что не хуже брата, - Буранбай усмехнулся.- Из Кыпсака — здоровенный парень, Азамат. Кладёт всех одним ударом, как медведь. Из Тамьяна - тот самый, что побил Ильдана в прошлый раз. Булат- сын главы. Тот весельчак, медленный, но сильный. Остальные остались как в первом круге.

- Мне в следующем круге достанется Айдан, - сказал Мирас.

- Не угадал. Старейшины хотят посмотреть, как сын Юрматы уложит младшего сына Бурзяна.

Ильдан удивленно поднял бровь, но сказал уверенно:

-Уложу.

- Самонадеянность - не лучший спутник в бою, - заметил Буранбай.

- А что лучший?

- Тишина. Когда внутри тихо, ты слышишь дыхание противника раньше, чем он сам его почувствует.

9. Белый след. Ылсын.

Когда стемнело, Ильдан вышел из юрты подышать. Луна только начинала подниматься - белая, острая, как лезвие. Свет её разливался по лагерю, делая всё холодным и чужим.

- Не спится, братец?

Он обернулся. В двух шагах от него стояла Зухра. Она появилась неслышно, как тень. Чёрное платье сливалось с темнотой, только лицо белело в лунном свете — бледное, пустое, как маска.

-Ты смотришь на луну, - сказала она. - А я смотрю на тени. Знаешь, что я вижу?

- Что?

- След. Белый след, который ты оставляешь за собой. Каждое утро. Каждый вдох. Ты думаешь, его никто не видит?

Она шагнула ближе, и Ильдан почувствовал холод.

- Ты ошибаешься, Стрекоза. Я вижу всё. Каждый твой след. И когда придёт время — я пойду по ним.

Она развернулась и ушла, бесшумно, как пришла. Оставив после себя запах полыни и горькое чувство, что её следы уже сплелись с его судьбой.

Кречет на перекладине тихонько зашипел, взъерошил перья. Неслышно подошел Мирас.

- Опять воду мутит Зухра?

- В ее духе, не обращай внимания. Спустишь к реке, ты со мной?

Они сидели на камне, глядя на звёзды. Звёзды были крупными, низкими. Казалось, до них можно дотронуться рукой. Стоявший у кромки воды Ильдан тяжело вздохнул и повернулся к другу, тот привалился спиной к валуну и вытянул ноги.

-Ылсын, — сказал Мирас, не глядя на друга, - Знаешь что такое? Буранбай рассказал. Когда внутри становится тесно. Когда душа замирает, как птица перед полетом.

Ильдан помолчал. Только ветер шевелил его волосы.

- Почему ты об этом сейчас вспомнил?

- Предчувствие у меня какое- то странное. В груди будто что- то зарождается и растёт. Хорошо это или плохо, пока сам не определил. У тебя было такое?

- Однажды, - голос Ильдана дрогнул, но только на миг. - Я смотрел на горы на рассвете. Птица летела одна, низко над соснами. И я подумал: как легко ей. Ни рода, ни долга. Просто крылья и белое небо.

- Ты про птицу?- Мирас усмехнулся, но усмешка вышла грустной.

- Про след, - Ильдан повернулся к реке. Глаза в темноте блеснули — светло-карие, с едва заметной зеленью, -который оставляет душа, когда замирает.

Они замолчали. Звёзды горели холодно.

10. Ночь и предчувствие

Ночь стояла тихая. И сегодня Ильдану не спалось, он сидел у входа в юрту, глядя на луну. Белая, холодная - к долгой дороге. Кречет Шонкар устроился на перекладине, дремал, спрятав клюв в перья.

Буранбай вышел из темноты, сел рядом.

- Через полгода истекает срок договора с монголами, - сказал старик. – Возможно они уже собирают войско.

- Новое столкновение?- Ильдан повернулся к нему.

- Может быть. А может, и нет. Дарман обещает, что договор продлят. Но я ему не верю.

- Почему?

Буранбай посмотрел на луну.

- Потому что он пришёл к нам с миром, а под этим миром мы оставили своих детей. Мы оставили след. Красный след на белой земле. Такой след не смывается. Он ждёт, когда его окрасят кровью.

Ильдан молчал.

- Если начнут - мы встретим их в горах, - сказал он наконец. - И покажем, что мы не забыли, как держать меч.

Буранбай кивнул.

Луна поднялась выше. Белая. Холодная.

Ильдан смотрел на неё и думал о следах - тех, что уже оставлены, и тех, что ещё будут оставлены. О белом снеге, который покрывает землю. О крови, которая прольётся завтра.

«След на белом, - прошептал он, - это наша судьба».

Он ещё не знал, что правда, которую он носил в груди восемнадцать лет, скоро перестанет быть только его правдой. Что Зухра готовит западню. Что мир, завоёванный такой тяжкой утратой, грозит рухнуть в любой момент. И это будет не самое страшное из его потерь. Самая страшная потеря еще впереди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.